

ЗОЛУШКА
НЕ ВЕРИТ
СКАЗКАМ

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК

16+

Эльвира Смелик
Золушка не верит сказкам
Серия «Любовь вне
расписания», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65812750

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-92330-0

Аннотация

Мама нашла мне богатого жениха, но я и слышать не хочу ни о каком замужестве и любви после предательства бывшего. И как мне убедить маму отказаться от её безумной затеи, а заодно избавиться от внезапно свалившегося на мою несчастную голову соседа?

Содержание

Пролог	4
1	7
2	12
3	17
4	22
5	27
6	32
7	38
8	43
9	48
10	54
11	61
12	66
13	71
14	76
15	81
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Эльвира Смелик

Золушка не верит сказкам

Пролог Женя

Похоже, шнуровку на корсете чуть перетянули. Тесновато, и дышать немного трудно. Сердце бешено колотится, а пульс, вероятно, зашкаливает.

Хотя, скорее всего, дело не шнуровке. В моменте.

Наверное, все невесты вот так волнуются, особенно в последние десять минут перед церемонией, и я ничем не отличаюсь от остальных.

Или не все? Надо бы спросить у кого-нибудь. А у кого?

Все мои подруги ещё не замужем. Кроме Марьяши. Но ту можно не считать. Как таковой свадьбы у неё тоже не было, потому что кипенно-белое платье невесты и восьмимесячный животик не слишком хорошо сочетаются. Марьяша с мужем просто сходили в ЗАГС. Там с них даже справку от врача не спросили, чтобы зарегистрировать брак вне очереди, потому что доказательства и так налицо, быстро расписали и всё.

Господи! И о чём я думаю?

У меня – всё как полагается для торжества по высшему разряду: шикарный наряд, длиннющий белый лимузин, куча гостей и подарков и даже отдельная комната, чтобы спрятаться от всех и вся на время ожидания и чтоб никто не увидел раньше времени, какая я необыкновенно красивая. А я и правда красивая, не зря же всё это: стилист, визажист, мастер по маникюру, дорогущее платье с изящной вышивкой на корсете и пышным шлейфом, миленький букетик из белых роз, перевязанный блестящей атласной лентой. Ещё я взволнованная и... радостная? Да, радостная.

Сажу на высоком круглом стульчике без спинки, чтобы не помять шлейф и юбку, и слушаю, как что-то огромное и тяжёлое грохочет в моей груди.

В дверь раздаётся негромкий стук. Уже пора? Молчу, потому что в горле пересохло, и для начала необходимо сглотнуть, чтобы выдать из себя хоть слово. А стук повторяется, уже более нетерпеливый и настойчивый. Из-за двери доносится:

– Евгения! Я захожу.

Молчу дальше, потому что от моего ответа уже ничего не зависит.

Ручка поворачивается, язычок замка щёлкает, дверь открывается. Мама Лара решительно вваливается в комнату и начинает говорить ещё на ходу:

– Ты почему не отвечаешь? Евгения! Даже не думай. Никаких ненужных мыслей.

В самые напряжённые моменты мама всегда называет меня полным именем. Оно действительно звучит более впечатляюще и серьёзно, чем просто Женя.

– Мам, не переживай, – чуть осипшим голосом успокаиваю я её. – У меня вообще никаких мыслей. Ни нужных, ни ненужных.

– Евгения! – ещё раз на всякий случай патетично восклицает мама, поглядывая на меня с подозрением, но претензий не предъявляет, смягчается, произносит сочувственно: – Волнуешься?

– А на свадьбах не полагается волноваться?

– Жень, – вздыхает мама показательно, – уж сейчас-то можно без ёрничанья? – Подходит ближе, протягивает руку, касается моих волос, что-то поправляет в и без того идеальной причёске, и неожиданно шмыгает носом. – Господи! Ну какая же ты красивая.

Она придвигается ещё ближе, потом отступает на шаг. Кажется, ей хочется меня обнять, но она боится что-нибудь помять или испортить, поэтому аккуратно касается моих плеч, поглаживает почти невесомо. Мамины глаза влажно поблёскивают, а выражение на лице смятенное и сентиментально-благостное. Она осторожно смахивает всё-таки выкатившуюся слезу. – Всё будет хорошо, девочка моя. Вот увидишь.

– А я и не сомневаюсь, – откликаюсь уверенно.

Всё будет хорошо. Обязательно. Гарантированно. А как же иначе?

1

Женя

Я снимаю с себя футболку, бросаю её на кровать, с удовольствием потягиваюсь, высоко подняв руки, чувствуя, как по-кошачьи выгибается спина, мышцы растягиваются, на-прягаются.

Именно в такие моменты она сильнее всего и ощущается – абсолютная безграничная свобода. А ещё в полной мере осознаёшь, в чём главное преимущество собственной квартиры? Ну... то есть, если по-честному, не совсем собственной, потому что она съёмная. Скорее уж, отдельной. Но сейчас – не суть важно.

Так вот. Преимущество в том, что это вам не общага, и, даже несмотря на то, что ты девушка, можно спокойно дефилировать из комнаты в прихожую и на кухню в одних трусах, никого не шокируя и не провоцируя подобным видом. А ещё не надо ждать или подгадывать момент, когда освободиться душ, а можно просто захотеть помыться и сразу пойти. В ванную. В свою ванную.

Ладно – не совсем в свою.

Но зато новую шторку я покупала сама. Простенькую – голубенькую с абстрактными разводами, видимо, изображающими морские волны. Не люблю все эти лишние узорчи-

ки, картиночки, кружавчики-рюшечки-оборочки, пестроту и «вырвиглаз»-цвета. В основном не люблю. Природа вон тоже достаточно разнообразная и пёстрая, но к ней у меня претензий нет. У неё со вкусом и чувством стиля всё в порядке, даже богатство и роскошь не выглядят вычурными и нарочитыми.

А у меня они вообще никак не выглядят. Нет их у меня. Даже в съёмную квартиру из общаги я смогла съехать только потому, что папа расщедрился и выдал мне на неё деньги. Сама бы я пока не потянула.

Я, конечно, подрабатываю. Есть у меня пара учеников, родители которых тоже не слишком избалованы роскошью и потому не могут позволить себе более опытного частного логопеда. Но вообще-то я ещё и сама учусь. Буду учиться. С первого сентября. Точнее, продолжу – на первом курсе магистратуры. Это занимает кучу времени, а особого дохода пока не приносит.

Залезаю в ванну, задёргиваю штору. Пластиковые колечки, чуть слышно прогремев, легко проезжают по штанге, и вот уже занавес цвета неба и моря отделяет меня от всего остального мира.

С водой здесь тоже всё в порядке: в наличии и холодная, и горячая. Я одной рукой беру лейку душа, другой поворачиваю рычаг. Тонкие струи ударяют в грудь, торопливыми ручейками сбегают вниз по телу.

Одни из самых приятных ощущений – когда принимаешь

душ. И вот этот упругий напор воды, чем-то напоминающий прикосновения, и тепло, и сбившееся дыхание, когда подставляешь под душ лицо, и даже губам становится немного щекотно. Я, наверное, несколько часов могла бы так просто-вать, ловя их почти человеческие ласки.

Для кого как, а для меня это очень важно – всё тактильное. Гораздо важнее звуков и запахов.

Гладкая прохладная поверхность ванны, сжатая в кулаке трубка душа – ладонь чувствует пульсацию бегущей внутри неё воды – мокрые волосы, прилипшие ко лбу и плечам, нежная лёгкость взбитой пены. И опять вода, текущая по лицу, по плечам, по спине, ласково обхватывающая тело.

Ну обалдеть же как хорошо!

Точно так же, как когда, скинув обувь, ступаешь по прохладной, щекочущей ступни траве или влажному песку у кромки реки, а ещё лучше, моря. Или когда наконец-то ночью заваливаешься в кровать. Бельё поначалу тоже прохладное, и освежает, снимает усталость, и подушка такая мягкая, когда утыкаешься в неё лицом, будто прижимаешься к маме или... или... к тому, кого любишь. И он в ответ обхватывает тебя рукой, а ты прижимаешься ещё плотнее, втягиваешь запах кожи.

Не знаю, как правильно его описать. Какой он? Жаркий, пряный, дурманящий. Его ни спутаешь ни с одним другим. И, наверное, именно он относится к тем немногим, которые для меня по значимости и приятности не уступают тактиль-

ному.

Закрепляю лейку душа в кронштейне на стене, беру губку и флакон с гелем. Пена получается густая и нежная. Начиная от подбородка, провожу по шее, дальше – вниз. Губка легко и ласково скользит по груди. А у меня вдруг перехватывает дыхание, горячая волна пробегают по телу. Зажмуриваюсь на мгновение, а потом резко выдыхаю.

Та-ак, Женечка. И что это было? Как понимать? Логичное продолжение мыслей о запахе человеческой кожи, о постели и обнимающей руке?

А кто-то там говорил, что природой в женщину не заложено – просто так желать, без стремления к продолжению рода. Ну что сказать? Он – несомненно идиот. Кто так считает.

Хорошо, когда у тебя есть постоянные отношения, а у меня их на данный момент, как и богатства, нет, и в ближайшей перспективе я их заводить не собираюсь. Хватит. Сыта по горло. С моим особым даром выбирать не тех и самой вести себя не так лучше воздержаться хотя бы на какое-то время, чтобы... чтобы... опять не мучиться и не жалеть.

К чёрту губку, к чёрту гель и пену. Вода и так всё смывает. Ну, почти всё.

Опять шагаю под душ, подставляю лицо под струи. А что касается воздержания, так я исключительно серьёзные отношения имела в виду. Но и прямо вот сейчас бежать, искать кого-нибудь, с кем смогу удовлетворить свои желания, я в общем-то тоже не собираюсь.

Ладно. Пора заканчивать с водными процедурами. И с дурацкими мыслями тоже.

Закрываю воду, тянусь за полотенцем. Из ванной я выхожу опять – в одних трусах. Я же у себя дома. Щёлкаю шпингалетом, он сохранился, наверное, с незапамятных времён. Можно было бы и совсем не запираяться, но слишком трудно в одночасье отказаться от выработанной годами привычки. Вытирая волосы и ничего не видя перед собой, толкаю дверь от себя, делаю шаг.

Мне кажется, именно в этот момент я и осознала, будто что-то не так, ещё даже ничего не увидев, а только почувствовав. Или всё-таки разглядев из-за полотенца, из-за свесившихся на лицо прядей? Но только сердце вдруг ёкнуло, а дальше...

2

Женя

Дальше всё происходило уже независимо от моей воли и разума. На автомате. На инстинкте самосохранения. Помню, как вскинула голову, как сдёрнула с неё полотенце, пытаюсь прикрыться. И как заорала тоже помню. Потому что получилось очень громко. Я даже сама чуть не оглохла.

Ну а что я ещё могла? Кроме как истошно завопить, отпрянуть назад. Ой! Со всей дури врезаться затылком в край приоткрытой двери, моментально заткнуться от гулкого звона в голове. Хорошо, что тот оглушил не слишком сильно, и я сумела сообразить – ввалиться назад в ванную, захлопнуть дверь, защёлкнуть шпингалет, едва не прищемив палец.

Мамочки! И что мне теперь делать? Что делать?

Я неосознанно отступаю назад, подальше от двери. Врезаюсь ногами в ванну и едва не опрокидываюсь. В неё. Хватаюсь за край, не чувствуя как обычно гладкости и прохлады. В голове по-прежнему немного звенит. Всё-таки неслабо я приложилась. Но боли не чувствую и мыслю достаточно ясно. То есть, пытаюсь мыслить, но в сознании только и вертится неотступно, за компанию с «Что делать?», «Ну почему? Почему?»

Откуда в моей квартире взялся совершенно посторонний

мужик? Как он в неё попал? Выломал дверь? Подобрал отмычку к замку? А я ничего не услышала, потому что торчала в ванной.

Да о чём я? Разве это важно?

Что вообще происходит? Это типа «Бойся, Женя, своих желаний». Потому что они исполняются. Неожиданно и пугающе.

Я не собиралась бежать и искать, я всего лишь подумала, и вот – «Тогда мы идём к вам!» Сами. Точнее, сам.

Хочется, надеяться, что он там действительно один, и что гораздо больше его интересуют вещи и деньги, чем я. Хотя... в любом случае у меня особо не поживишься. Но пусть берёт, что хочет. Выпотрошит кошелёк, унесёт ноутбук. Правда, ноут реально жалко. Но я даже на это согласна, лишь бы он отвалил. Не тронув меня. Всё равно я его практически не разглядела и полиции ничего не расскажу.

А он? Он – разглядел?

Наверное, не каждому грабителю по жизни везёт настолько, что, не успев проникнуть в квартиру, он сразу же натывается на почти голую девицу. Или можно считать – совсем голую. Ну, что там какие-то маленькие аккуратные трусики с кружевными вставками? Ещё и светло-бежевые. Я б точно обалдела, если бы на меня выскочил парень в кружевных труселях.

Господи! Да о чём я опять?

Наверное, это от шока. Поэтому, Женя, возьми себя в ру-

ки и соображай, а не выдумывай всякую чепуху.

А вдруг он вообще не грабитель? Вдруг – маньяк-убийца? А я сделала самое тупое из всего возможного. Совсем как героини классических ужастиков, ага, которые мрут одними из первых. Я сама себя загнала в безвыходные положение. В прямом и переносном смысле. Вместо того, чтобы мчаться прочь из квартиры, я спряталась в ванной, в которой даже окна нет. Вообще ничего нет. Даже хоть сколько-нибудь острого и тяжёлого, чтобы можно было ударять, отбиваться и защищаться. Если только плеснуть в лицо шампунем или гелем для душа. Хорошо, что у меня обычные, а не те, что «не щиплют глазки».

Но вроде бы для маньяка-убийцы непрошенный гость ведёт себя слишком тихо. Во всяком случае, дверь выломать не пытается. Или тоже для начала решил найти что-нибудь поострее и потяжелее.

Отталкиваю от ванной, делаю несколько маленьких, осторожных шагов. Приближаюсь к двери, почти прижимаюсь к ней ухом, прислушиваюсь, стараясь уловить хоть какие-то звуки, раздающиеся внутри квартиры. И ничего не слышу, совсем ничего. Ти-ши-на. И тут...

Ну чёрт! Ну вроде бы только сердце перестало бешено колотиться, из коленок ушла ватная слабость, а руки перестали подрагивать. И тут – стук. В дверь. Не слишком сильный, зато чересчур неожиданный.

Вздрагиваю всем телом и опять отскакиваю к ванной.

И что сейчас будет? Что сейчас будет?! Хотя сомневаюсь, что грабители и убийцы вежливо стучатся. Но вдруг это такой обманной ход, чтобы выманить наивную жертву.

– Ты там жива? – доносится приглушённое, а следом снова стук. – Эй! Ты жива?

Промолчать или ответить?

Опять неслышно приближаюсь к двери, кладу на неё ладони. Как будто смогу таким образом что-то почувствовать.

Голос, между прочим, совершенно не маньячный: не хриплый, не злобный, не жёсткий. Если только чуть растерянный и раздражённый.

– Да откликнись ты уже. Я же знаю, что ты там. Хотя именно это и странно. Ты, вообще, что там делаешь?

– А то непонятно, – хмыкаю тихонько, но вряд ли человек за дверью меня слышит.

– Эй! Ты что там делаешь? – повторяет он громче и нетерпеливей.

– Моюсь я, – восклицаю сердито. – Точнее, мылась.

– Но почему ты здесь? В этой квартире?

– Потому что я в ней живу.

А могут быть другие причины?

– В смысле? – долетает до меня крайне озадаченное.

Я уже ничего не понимаю. Если он грабитель, к чему все эти расспросы? Зубы заговаривает? Но интонации очень даже естественные, и удивление не кажется поддельным. Продолжить разговор и посмотреть, что будет дальше? По край-

ней мере время потяну, хотя и непонятно для чего. Даже если пройдёт тысяча лет, чуда не случится, пусть даже совершенно маленького уровня «И тут она обнаружила, что, когда шла мыться, случайно прихватила с собой телефон». Потому что я и чудеса – понятия несовместимые. Обычно от судьбы мне достаются только неприятные сюрпризы, и там, за дверью ванной, находится один из них и ждёт от меня ответа.

– Что значит «в смысле»? – громко восклицаю я, не скрывая возмущения. – Я здесь живу. Это ты... ты что здесь делаешь?

– Ну-у, – едва слышно пробивается из-за двери, тянется, как гудок в телефоне, которого со мной всё-таки нет. Он остался в комнате на кровати, прикрытый небрежно брошенной мною футболкой. – Я тоже, – звучит уже громче и с нарочитой чёткостью. – Живу. Здесь. Точнее, собираюсь жить.

Собирается жить? Здесь?

И теперь уже я озадаченно выдыхаю:

– В каком смысле?

3

Женя

Дверь едва ощутимо вздрагивает, но я уже реагирую довольно спокойно: не отшатываюсь, а просто чуть-чуть отодвигаюсь. Тот, кто расположился с той стороны, скорее всего тоже упёрся в неё рукой, или даже прислонился, потому что следующие слова получаются ещё громче.

– Слушай. Может, выйдешь уже? Неудобно через дверь разговаривать, – произносит он весьма доверительным тоном и добавляет: – И не волнуйся, я отвернусь.

Мои щёки мгновенно вспыхивают. И не только щёки. Даже по спине пробегает горячая волна смущения. Потому что я сразу в красках представила, как оно могло выглядеть со стороны и какие вызвать мысли – моё эффектное появление.

Молчал бы лучше, не напоминал. Да я б и сама вспомнила. И, кажется, я перестаю его воспринимать не только как маньяка-убийцу, но даже как грабителя.

Это плохо? Означает, что я теряю бдительность и вот-вот поведусь? А он именно на это и рассчитывает?

Но разговор через дверь действительно уже напрягает. Рискнуть?

Опять приникаю к двери и громко интересуюсь:

– А если не отвернуться, если уйти? – повторяю с надеж-

дой: – Уйти ты можешь?

– Хорошо, – мгновенно прилетает в ответ. – Уйду.

Да ладно! Вот так просто, стоило только попросить. И я уже почти выдыхаю с облегчением, но тут вдогонку предыдущим фразам раздаётся:

– На кухне подожду.

А я-то обрадовалась, что он уйдёт совсем. Ну да, чудес точно не бывает. В особенности в моём случае.

– Всё, считай, я уже ушёл, – звучит более приглушённо и определённо удаляется. – Можешь выходить. Я не смотрю.

Да что ж такое? Обязательно ему снова и снова напоминать? Я и так в курсе, а из одежды у меня по-прежнему только трусы и несколько полотенец – два поменьше и одно большое, банное. Заворачиваюсь в него как можно плотнее, беру с полки над раковиной ополаскиватель для полости рта. Он совсем жидкий, в отличие от шампуня и геля для душа, и супермятный. Думаю, если плеснуть им в глаза, эффект будет не хуже, чем от перцового баллончика.

Я на несколько секунд замираю перед дверью, прихватываю пальцами такую круглую фиговую штуку на шпингалете, за которую держатся, когда его закрывают и открывают. Стараюсь сделать это совершенно бесшумно. А сердце, между прочим, то слегка обмирает, то опять слишком разгоняется.

А вдруг, как только я отопрусь, дверь мгновенно распахнётся и...

На всякий случай отвинчиваю крышку с ополаскивателя.

Шпингалет всё-таки негромко щёлкает, будто он сообщник и специально подаёт знак. Дверь не распахивается, но это ничего не значит. Тот человек мог притаиться за ней и ждать, когда я выйду. Осторожно приоткрываю её сама, напряжённо пялясь в увеличивающийся просвет, но ничего особенно так и не происходит. Тогда я посильнее толкаю дверь рукой, чтобы она до конца открылась, и я смогла увидеть пространство перед собой.

Ополаскиватель наготове!

Пусто. То есть вещи на месте, а никого постороннего нет.

Медленно выхожу, слышу, как на кухне начинает шуметь электрический чайник.

Ну ничего себе! Мало того, что припёрся незванным гостем, наплёл какой-то бредовой ерунды, ещё и распоряжается моими приборами. Хотя, опять же, не совсем моими. Чайник в квартире тоже уже был, хозяйский.

Взгляд натывается на совершенно незнакомую мне огромную сумку, стоящую в прихожей. В такой запросто уместится расчленённый и плотно уложенный труп не слишком крупного человека. Мой, например. Но, похоже, сумка и так до предела набита. Надеюсь, не тем, о чём я подумала.

Проскакиваю в свою комнату, захлопываю дверь, приваливаюсь к ней спиной. Забываюсь и едва не роняю флакон с ополаскивателем. Кажется, из него всё-таки выплёскивается несколько капель, и комната наполняется освежающим мятым ароматом. Наверное, мне лучше побыстрее одеться.

Отбросив полотенце, я торопливо натягиваю шорты и футболку, и сразу становится немного легче – чувствую себя уверенней. И телефон теперь под рукой.

Позвонить в полицию? Или хозяйке Людмиле Алексеев-на? Пусть объяснит, как такое могло случиться. Неужели она сдала квартиру одновременно двум людям? Получила пред-оплату за три месяца и теперь...

А что теперь? Не скроется же она бесследно с нею, бросив квартиру? В чём выгода?

Или лучше всё узнать напрямую из первых уст, глядя в глаза. Кому? Действительно, кому?

Я знаю только голос. И пол – мужской. И больше ничего. Я ведь его совсем не разглядела.

Так может, выйти и посмотреть? Но, конечно, не только за этим. Поговорить по-нормальному, спросить, наконец-то разобраться, что происходит. С каждой минутой я всё больше уверяюсь, никакое это не ограбление, и не насильник-маньяк, а похоже, просто недоразумение.

Ладно-ладно-ладно. Сосредотачиваюсь, делаю несколько глубоких вдохов. Ополаскиватель, пожалуй, всё-таки опять прихвачу. Говорю себе «Женя, всё нормально! Вперёд!», резко разворачиваюсь, распахиваю дверь и решительно шагаю в коридор.

Да чтоб тебя! Опять чуть не натыкаюсь на него и опять вздрагиваю.

– Ты... ты... Да хватит уже меня пугать! – ору, не сдер-

живаясь.

Но на этот раз я успеваю его хорошо рассмотреть. Не совсем мужчина, в смысле – по возрасту, молодой парень. Наверное, мой ровесник, плюс-минус. Не сказать, что красавец, но вполне ничего. Если оценивать объективно. Но сейчас я далека от объективности.

4

Женя

– Ты же сказал, что будешь ждать на кухне, – с негодованием напоминаю я парню.

Он невозмутимо пожимает плечами. Серые, хотя может, и голубые – свет в прихожей не горит, поэтому здесь достаточно сумрачно, и толком не рассмотреть – глаза чисты и прозрачны.

– Ну, я просто... услышал, что ты уже в комнату ушла. Дверь хлопнула. Вот и решил пока перенести сумку.

– Куда?

Он опять дёргает плечами и спокойно поясняет.

– К себе. В комнату.

А вот у меня совершенно не получается быть спокойной.

– В какую комнату? «К себе». Какое «к тебе», если я здесь живу? Это моя комната.

– Ага, эта твоя, – кивает парень, легко соглашаясь, но тут же поводит рукой в сторону угла, указывает на соседнюю стену. – А моя та, другая.

Ну да, там есть ещё одна дверь, а за ней вторая комната, но она заперта, потому что в ней никто не живёт. И так всё и останется в ближайшее время, как клятвенно заверяла меня Людмила Алексеевна. Иначе я бы и снимать эту кварти-

ру не стала – нафига мне ещё одно общежитие? Я бы тогда подыскала что-нибудь другое, пусть и чуть-чуть подороже. Или, по крайней мере, нашла бы себе в компанию девушку, знакомую и меня устраивающую, но уж никак не парня, которого увидела в первый раз.

Между прочим, в другой руке он держит ключи, и дверь во вторую комнату чуть приоткрыта, и сумки в прихожей уже нет. Успел – подсуетился? И его вообще ничего не смущает?

– То есть ты действительно собираешься здесь жить? – уточняю недовольно, взмахиваю руками. – А я? Ничего, что я здесь?

– Неожиданно, конечно, – вскинув брови, сообщает он. – И я не в восторге.

Он – не в восторге. С ума сойти! А я, можно подумать, нарадоваться не могу? Да я в бешенстве.

Почему у меня всё всегда складывается настолько отстойно? Вот вроде бы порадуешься, вздохнёшь с облегчением, и тут... А главное, ничто даже не предвещает заранее.

– Мне хозяин сказал, – многозначительно продолжает мой собеседник, – что вторая комната пустая, в ней никого нет. И не будет. Потому что его тётка живёт в другом месте.

– Ага! А мне эта его, судя по всему, тётка, сказала то же самое. Что вторая комната брата. Но он вообще в другом городе, а у его сына есть своё жильё. Поэтому вся остальная квартира исключительно в моём распоряжении.

Мы напряжённо пялимся друг на друга и, мне кажется, ду-

маем примерно об одном. Что сейчас другой скажет «Хорошо. Тогда я ухожу», развернётся и отвалит. Усиленно транслирую взглядом это самое «Сейчас развернётся и отвалит», плюс ещё «И больше здесь не появится. Ни-ког-да».

– А зачем... – неожиданно интересуется парень и теперь указывает на меня, точнее на мою руку, в которой я по-прежнему держу флакон с ополаскивателем, – тебе эта штука?

Мне продемонстрировать? Если честно, очень хочется. Может, тогда он поймёт, что я чокнутая, со мной опасно связываться, а уж жить в одной квартире и подавно, и не просто отвалит, а сбежит, сверкая пятками.

Но подобное, скорее, из репертуара тупых-претупых комедий, и, похоже, я реально выгляжу очень странно с этим флакончиком, благоухающим мятой.

– Утром случайно унесла его в комнату, – объясняю сердито. – А теперь хочу поставить на место. Или надеешься, что я уже вещи пакую? Не дождёшься. Я здесь живу. Уже три дня, между прочим. Даже...

Его взгляд промеряет меня от макушки до ног, и уголки рта едва заметно изгибаются вверх, обозначая ехидную улыбку. А я... кажется, я понимаю, отчего ему вдруг становится весело.

Ну и что это? Просто свинство. Неужели теперь всегда, сколько бы времени ни прошло, сколько бы слоёв одежды я на себя ни напялила, я всё равно перед ним буду чувствовать себя голой? И смущаться.

Неосознанно провожу рукой чуть пониже шеи, сминая ворот футболки, убеждаясь, что она действительно на месте. А уголки его рта, кажется, приподнимаются чуть выше.

Да какого лешего? Тем более я не смогу с ним жить в одной квартире, если он каждый раз, глядя на меня, будет видеть совсем другое, а не то, что на самом деле. И вообще! А пойду я и позвоню Людмиле Алексеевне. Это ведь она обязана улаживать подобное недоразумение? Ну и наконец-то избавлюсь от дурацкого флакона.

– Женечка, – отозвавшись на мой звонок, с нежностью выдыхает хозяйка, и, судя по кротким, даже слегка заискивающим интонациям, она прекрасно понимает, зачем вдруг мне понадобилась.

– Добрый день, Людмила Алексеевна! – стараясь унять прорывающее раздражение, вежливо произношу я. – Вы ведь говорили, что я буду жить в квартире одна, а во вторую комнату никто не въедет? Так?

– Ну-у, понимаешь, Женечка, – тянет хозяйка.

Не знаю, почему, но она с первого момента встречи называет меня вот так – уменьшительно, будто я её родственница. Не иначе моё невероятное обаяние тому причиной. Хотя – кого я обманываю? По-моему, она со всеми так общается. Она и выглядит подходяще, практически бабушка «божий одуванчик» – невысокая, полненькая, круглолицая. Волосы не длинные, но лежат пышными белыми локонами, усиливая ассоциации с пушистым цветком. Однако за про-

стоватой добродушной внешностью и за вроде бы ласковыми интонациями определённо скрывается нечто непробиваемо-твёрдое. Это про таких говорят «мягко стелет, но жёстко спать». Смутить и напугать Людмилу Алексеевну тоже не так-то просто.

5

Женя

– Ну, вот кто ж знал, деточка, что так получится? – вкрадчиво выговаривает хозяйка, не забывая при каждом удобном случае вставлять в слова любимые уменьшительно-ласкательный суффиксы. – Что Лёшеньке вдруг тоже в голову идея придёт комнатку сдать. Я и сама только сегодня узнала. А иначе, конечно, всё бы по-честному рассказала и вводить тебя в заблуждение не стала. И, может, всё не настолько уж и страшно, а? Ну, сама подумай. Где ты ещё за такую денежку отдельную квартиру найдёшь?

Тут она безусловно права, именно на скромную оплату я и купилась, хотя жилище так себе. Дом старый, помещения маленькие, что комната, что прихожая, что кухня. Но в целом вполне прилично и терпимо: штукатурка с потолка не сыплется, обои со стен не отваливаются, сантехника не ржавая, из батарей не капает (правда про последние точно не знаю, летом отопление не работает), но видно же, что капитальный ремонт достаточно давно делали, а перед тем, как сдать, просто навели порядок. Кто здесь раньше жил, я выяснять не стала, по крайней мере, призраки усопших родственников по ночам не бродят, и ладно.

– Да и Лёшенька сказал, – не дожидаясь моего ответа, про-

должает Людмила Алексеевна, – жилец очень даже порядочный. А ты девушка пока одинокая, – невинно добавляет она, прежде чем я успеваю вставить своё негодующее-правильное «Вот именно – жилец! Совершенно незнакомый мне парень», и приготовленные фразы застревают у меня в горле.

И что это значит? Теперь она ещё тысячу к оплате накинет? А то как же: отдельная квартира, газ, горячая вода, все удобства, да ещё и мужчина под боком, и даже никуда специально идти и искать не надо.

– Вы это к чему, Людмила Алексеевна? – строго интересуюсь у хозяйки.

– А что? – игриво восклицает она. – Лёшенька сказал, мальчик молодой и вполне симпатичный. – Потом раздражается коротким тоненьким смешком. – Да шучу я, шучу. – И опять становится серьёзной, досадливо цокает языком: – Только вот... вторая-то комнатка брата, а Лёшенька его сын, имеет право распоряжаться. Ну, как я его заставлю? Женечка, может, вы там сами договоритесь? Или... уж ладно, так поживёте.

Ну, круто. Хозяйка по доброй воле что-то предпринимать не собирается, вообще не видит ничего страшного. А если я начну скандалить и права качать, ещё и заявит: «Не устраивает, отваливай. Попробуй найти что-нибудь получше». Да я и скандалить не умею.

– Ладно, Людмила Алексеевна, – смиренно выдыхаю в телефон. – До свидания.

Убираю его от уха, отключаю.

Возможно, договориться и правда вариант? Неужели он сам не понимает. Как его, кстати, зовут?

Выхожу из комнаты. И он из другой, почти одновременно. Почему мы опять совпадаем? Он тоже притормаживает озадаченно, спрашивает:

– Чай будешь? Или, хочешь, кофе сварю?

– Чего это вдруг?

– Да я в баре работаю. Мне не трудно. Даже привычно.

– А! Ты поэтому так и распоряжаешься? Как у себя за стойкой. Чужими вещами.

– Вообще-то, чайник мой, – спокойно сообщает парень. – Я кое-что ещё неделю назад перевёз. – Добавляет многозначительно: – И тогда тебя здесь не было.

– И что?

А теперь есть. Вот она – я. Здесь.

– Так будешь чай?

– Ну, давай.

Всё равно же я с ним серьёзно поговорить собиралась. Может, освободит жилплощадь, поищет себе что-нибудь другое?

Я первой захожу на кухню. Обслуживать меня не надо, сама справлюсь. Наливаю кипяток в свою чашку. Действительно свою – я её с собой привезла. Она достаточно большая, чтобы десять раз за водой из-за стола не бегать. Я из неё и кофе пью, не свежесваренный правда, растворимый,

некрепкий, почти без сахара, но с молоком. Потом достаю из упаковки и окунаю в кипяток заварочный пакетик, беру чашку в руки, разворачиваюсь.

Парень в задумчивости стоит перед холодильником и сосредоточенно на него пялится, но, заметив моё движение, вскидывается и без всякого смущения спрашивает:

– А у тебя есть, чего поесть? Неохота в магазин тащиться. – И, поймав мой негодующий взгляд, торопливо добавляет: – А я тебе отдам. Потом. Продуктами. Но могу сейчас деньгами.

– Да ладно, – равнодушно машу рукой. – Бери, чего хочешь.

Наверное, если я его накормлю, он с большим пониманием отнесётся к моему предложению. Хотя поживиться у меня тоже особенно нечем, я и сама в магазин только собиралась, но хлеб ещё точно оставался, и немного колбасы, и чуть-чуть сыра. А в шкафу есть конфеты и печенье.

Он по-прежнему по-хозяйски распоряжается, и у него лихо получается, не только кофе варить (поверю на слово), но и делать бутерброды.

– А ты будешь? – интересуется он у меня.

Так кто кого угощает?

– Ну, можно.

– Тебя, кстати, как зовут?

Смысл знакомиться перед прощанием? Но я всё равно вежливо отвечаю:

– Женя.

– А меня Роман. Рома.

– Ясно.

Он приносит тарелку с бутербродами и свою чашку – она, надо сказать, тоже не маленькая – устраивается за столом напротив, ест и смотрит в окно. Глаза у него всё-таки голубые, волосы светло-каштановые и брови с ресницами тоже не слишком тёмные. Подбородок чуть выступающий, твёрдо очерченный, посередине нижней губы глубокая бороздка. Наверное, в холода трескается.

Господи, о чём это я? Да не всё ли мне равно, как он выглядит? Даже не хочется называть его по имени, и нет смысла откладывать.

Запиваю очередной проглоченный кусок чаем и говорю:

– А может, ты всё-таки чего-нибудь другое себе подыщешь?

6

Женя

Рома отводит взгляд от окна, чуть хмурится и невозмутимо предлагает:

– Может, лучше ты? Всё-таки я первый сюда заехал.

А девушкам надо уступать. И что это ещё за детский сад: «Я – первый, ты – вторая».

– Вообще-то, это вещи твои первыми заехали, – уточняю я многозначительно. – Если, ты конечно, не врёшь. А тебя здесь не было. Иначе бы я раньше заметила. И неужели тебя вот так вот устраивает?

– Ну, не очень, – соглашается Рома. – Я тоже один жить рассчитывал. Но... в принципе, если уж так получилось, мне всё равно.

Вот же! Внешность интеллигентного викинга, характер нордический, непрошибаемый.

– А не боишься? Ты же меня совсем не знаешь. Вдруг я... сумасшедшая. На людей бросаюсь. Пока ты спишь, проберусь в твою комнату и...

Да что ж такое? Опять этот взгляд! А я опять вспоминаю, каким образом мы встретились, и чувствую себя... не совсем одетой. И у меня возникает ощущение, что он уже прикидывает, как я буду смотреться ночью в его комнате, но не с но-

жом или удавкой.

Какого чёрта?

Точно плесну в него чаем, если он снова начнёт красноречиво лыбиться, пусть даже только уголками рта. А если ещё чего и вякнет, пошлое... Но он только пожимает плечами и напоминает:

– Так дверь в комнату запирается. – И тут же интересуется без всякого перехода: – А ты чем занимаешься?

Похоже, мои предостережения не произвели на него совершенно никакого впечатления, не считая того, которое мне вот совсем некстати. Тогда, может, умные слова его напугают? Ага. И незаконченное высшее.

– Учусь. В магистратуре.

– На дневном?

Какая ему разница? Но я всё же отвечаю, точнее, мычу, дожёвывая остатки бутерброда:

– Угу.

– Ну так, – восклицает Рома, поводит ладонью, – значит, утром и днём тебя дома нет. А я на работе обычно во второй половине дня и прихожу поздно ночью. Или, можно сказать, рано утром. Ты в это время спать будешь. А когда встаёшь, тогда я уже сплю. Выходные у тебя же суббота и воскресенье? А у меня по скользящему графику: день через два. Так что особо и пересекаться не будем. В любом случае, другую квартиру искать мне пока точно некогда. И лень. Попозже – может быть. – Он даже не объясняет и не оправдывается, а

просто ставит меня перед фактом, ещё и добавляет в заключение: – А на сумасшедшую или маньячку ты совсем не похожа.

Хмыкаю и заявляю:

– Это я просто слишком хорошо умею притворяться. Вменяемой. А на самом деле...

Договорить я не успеваю.

– Жень, извини, – перебивает он чуть виновато, но твёрдо, поднимается из-за стола. – Мне уже идти надо. Потом договорим, ага? – качает головой, направляется к выходу, но в дверном проёме оглядывается и произносит: – А вообще, очень приятно было познакомиться.

И лыбится. Конечно, лыбится.

Я его точно убью! Не дожидаясь ночи. Прямо сейчас. Пока он не смылся или не спрятался в своей комнатёнке. Кстати, он её не запер, когда уходил.

Ну да, я проверила! А что тут такого? Я ж не с какими-то преступными намерениями к нему ввалилась, а просто заглянула, посмотрела. Чтобы убедиться в собственной безопасности. Конечно, я не ожидала непременно обнаружить нарисованную на полу пентаграмму или кожаные шортики на лямках, ошейник с шипами и плётку, но мало ли! А так я хоть немного успокоилась, потому что ничего подозрительного не увидела.

Похоже, он действительно кое-что раньше перевёз. Сумка так осталась почти не распакованной, а вещей оказалось

больше, чем в неё бы могло вместиться. Мебель такая же, как и у меня – не слишком новая, достаточно скромная. Вместо кровати диван-книжка. И занавески дурацкие – с огромными розочками. Хотя, не он же их вешал.

Хм, Рома. Сдержанный, уверенный и невозмутимый. Видно, что бармен. Им же приходится, пока за стойкой, всякий бред от посетителей выслушивать, при этом оставаться вежливым и спокойным и самим зубы уметь заговаривать. Ро-ман. Вот только его мне сейчас и не хватало. Во всех смыслах и воплощениях.

Так хотелось пожить одной. И ведь какая была возможность! До первого сентября времени ещё достаточно, даже не обязательно вообще выбираться из квартиры. Только если в магазин, но и тут не обязательно, можно ведь заказать доставку продуктов на дом. Хотя я уже согласилась перед учебным годом немного позаниматься с одним учеником, помочь ему вспомнить пройденную программу, заранее втянуться, настроиться на нужный лад. У него проблемы с русским, как раз логопедические.

Вот только все мои расчёты пошли прахом. Даже не соседка, сосед. За что? Неужели реальность считает, что недостаточно по мне прошлась, что разрушила ещё не все мои мечты и планы? До полного эффекта осталось только, чтобы меня из университета отчислили. Но этого я точно не допущу. Да и повода нет.

Откуда-то издалека долетает знакомая мелодия. Телефон

звонит.

Мне становится немножко не по себе, но я старательно отгоняю негативные мысли. И глупые тоже. Внушаю себе, пока выхожу из одной комнаты и иду в другую: это точно не он! С чего бы? Да и я не желаю ни видеть его, ни слышать. И вообще его номер давно уже в чёрном списке. Никогда раньше так не делала, перекидывала разве за навязчивый спам, но тогда...

Нет, достаточно. Не важно уже, что случилось тогда. Обещала же себе не вспоминать. А на экране телефона мигает знакомый номер и надпись «Мама». И я снова в замешательстве. Даже не знаю, радоваться мне или волноваться. Но всё-таки провожу пальцем по зелёному значку соединения и тут же слышу:

– Доченька, ну как ты там?

– Нормально, мам. Всё в порядке, – произношу уверенно и в свою очередь спрашиваю насторожённо: – А ты чего звонишь? Что-то случилось?

– Ой, Женьк, случилось! – с восторженным придыханием произносит мама. – Ты даже не представляешь.

Не представляю и, кажется, представлять не хочу. Когда у мамы в голосе столько воодушевления, это скорее пугает. Уж я-то ее знаю.

– Ты о чём? – уточняю осторожно, а из телефона прилетает горделивое и радостное:

– Считай, что светлое благополучное будущее тебе обес-

печено.

И что это значит? Из уст мамы Лары звучит, как жуткое предзнаменование. Известие о точной дате Апокалипсиса, назначенного на ближайшие дни, я приняла б, наверное, спокойней, чем призрачные мамины намёки с последовавшей за ними многозначительной паузой.

По-моему, в телефоне что-то начинает щёлкать и тихо гудеть, фиксируя всё возрастающее напряжение. А мама с шумом втягивает воздух и резко выдыхает:

– Жень, я тебе мужа нашла. Можно сказать, идеального.

Ушам не верю.

– Кого?

– Мужа, доченька! – победно восклицает мама. – Мужа!

Женя

Ну что тут скажешь? Лично у меня получается только такое:

– Мам, вы там с тётёй Таней выпили что ли?

И в ответ тут же прилетает нарочито суровое:

– Евгения, как ты с матерью разговариваешь?

Как будто такого никогда не случилось.

Тётя Таня – старинная мамина подруга, ещё со школьных времён. И они любят иногда вдвоём посидеть за бутылочкой вина, поболтать о жизни, вспомнить прошлое. Пару раз я даже заставляла их рыдающими друг у друга на плече. Но с тем же успехом они и ржать могут на всю квартиру, прикалываться и выдавать дурацкие идеи. И вот эта очень напоминает одну из таких.

– Какого мужа? Мам! – Если она опять хотела посмеяться, то выбрала не самый удачный момент. Вряд ли я сейчас оценю подобную шутку. – Ты же знаешь.

– Вот именно, доченька, – многозначительно тянет мама Лара. – Знаю. Насколько ты себе мужчин удачно выбираешь. А выйдешь замуж, и больше не будет этой проблемы.

Зато появится другая. Какой-то малознакомый мужчина рядом. И не просто рядом – в одной квартире, в одной по-

стели.

– Да не хочу я замуж! Рано мне ещё. Двадцать два всего. И без мужчин обойдусь! Пока.

– Вот именно что «пока»! – тут же цепляется за мои слова мама. – А потом опять найдёшь очередного козла и придурка, типа твоего Сенечки.

Тактичность и дипломатичность явно не мамин конёк. Поэтому и я, особо не церемонясь, напоминаю мстительно:

– Он же тебе нравился. Сама восклицала «Какой чудесный парень! Смотри не упусти, доченька!»

Но смутить её тоже непросто.

– Господи! Да я ж видела его два раза. Конечно, могла ошибаться. Не я же с ним...

Тут мама всё-таки вспоминает о существовании тактичности и скромно замолкает, хотя, подозреваю, сказать она хотела не «встречалась» и даже не «любовь крутила», честное и откровенное «спала».

Она никогда не стеснялась обсуждать со мной данную тему, даже в детстве, а уж тем более сейчас. Это я зачастую смущалась, выслушивая её наставления и подробные не совсем научные объяснения, что такое менструация, откуда берутся дети и каким образом. А всё из-за того, что в своё время ей никто не рассказал про эти самые критические дни, и когда неизбежное случилось, она решила, что заболела какой-то ужасной болезнью и теперь непременно умрёт.

Невыносимо болезненные спазмы, сжимавшие нутро,

только подтверждали её предположения. Вот мама, недолго думая, и приготовилась: улеглась на кровать, свернулась калачиком, потому что так становилась немного легче, и, давя отчаянные рыдания, принялась прощаться с жизнью. Пока с работы не вернулась её мама, моя бабушка, и наконец-то не посвятила бедняжку в особенности женской физиологии.

Только вот мама Лара не смогла уже просто так забыть пережитый ужас, хоть и совершенно, как оказалось, беспричинный и бессмысленный, и решила, что с собственной дочерью никогда так не поступит. Поэтому я ещё с детства была сексуально подкованной по части теории. Может, потому и с практикой особо не торопилась? По крайней мере до совершеннолетия.

Кстати, с замужеством я тоже не тороплюсь, но у мамы, как всегда, своё видение мира. А уж моего светлого будущего, тем более. И, кажется, строить его она собирается во что бы то ни стало.

– Жень, я, кстати, не шучу. Да и кого попало я бы тебе не предложила. Он и правда богатый.

– Ага. А ещё старый и лысый.

– Ну, был бы старый и лысый, – мама Лара хихикает и кокетливо продолжает: – как ты говоришь, я б тогда к нему сама присмотрелась. А что? Я ж не настолько ненормальная, чтобы шанс упускать! Но не бойся, тебе бы такое счастье не подкинула. Я ж не враг своему ребёнку. Я же для тебя лучшего хочу. А этот как раз молодой и симпатичный. Поэтому

мне не подходит, зато тебе – идеально.

– Тогда в чём подвох? Если он такой замечательный, ещё и богатенький, почему сам себе невесту не может найти? Все девушки при виде него разбегаются?

– Да вот как раз не разбегаются, – в тон мне отвечает мама. – Родители и собираются его женить, чтоб остепенился.

– Теперь понятно, – хмыкаю я с пониманием. – Молодой, симпатичный и... бабник. А жена его типа перевоспитать должна? Да? – расцениваю царящую в телефоне тишину, как подтверждение. – Так вот, мам, бабника не перевоспитаешь. Сказки это. Сладкое оправдание для всяких мнящих себя королевами мечтательных дурочек, которые на таких западают, рассчитывая, что уж их-то большая и светлая любовь всё исправит.

– Ну почему сразу «бабник»? – с упрёком восклицает мама. – Нормальное дело – пока не женат, гуляет. В поиске той самой, единственной.

А я опять саркастично хмыкаю – да просто само получается – и, хотя мама меня сейчас не видит, старательно киваю:

– Ага-ага. Уж мне-то не рассказывай. Я-то знаю, что ты и сама в подобном отлично разбираешься.

– Дочь! – прилетает громкое и весомое. – Ты ж у меня педагог-дефектолог. В магистратуру шутя поступила.

Интересно, это типа такая попытка подлизаться? Или, наоборот, усостыжить.

С трудом давлó очередное хмыканье, просто усмехаюсь.

– Так они невесту ищут или воспитательницу? А так-то у нас детских садов хватает. И государственных, и крутых частных. И вообще, у них там, в высших кругах, нынче, что, с девушками дефицит? Сплошные сыновья, ни одной дочки? – Опять мелко киваю, теперь уже сочувственно. – Вот счастье привалило бедным золушкам. А они и не в курсе.

8

Женя

Мне кажется, мама опять тайком подхихикивает. Или я просто не хочу верить, что вот этот наш разговор происходит на полном серьёзе. Хотя голос у неё недовольный и строгий, и возмущение вроде бы не поддельное.

– Женька, хватит язвить! – громко требует мама. – Сама подумай. Абы кто им не нужен. Семья не простая, вот они и хотят порядочную достойную умную девушку. А где таких лучше искать? Не среди же этих избалованных гламурных кукол?

И я соглашаюсь:

– Точно, среди простого народа. Чтобы потом при каждом удобном случае можно было ей под нос тыкнуть, мол мы тебя из грязи в князи, а ты, скотина неблагодарная, ещё чем-то недовольна и на что-то претендуешь. Да ты сидеть должна тише воды, ниже травы и беспрекословно повиноваться.

– Ой, да не говори ерунды, – ворчит мама. – Напридумывала страшилок. Будто среди обычных все как на подбор хороши, только потому что денег у них не так много. Вон же твой...

– Мам! – почти кричу, не давая ей продолжить.

Неужели она думает, что я настолько железобетонная? И,

если язвлю, меня не прошибёшь уже ничем, и можно раз за разом напоминать, какая я дура...

– Жень! – сразу следом восклицает мама, перебивая не только так и не произнесённые фразы, но и мысли.

Мы словно в пинг-понг играем, перебрасывая друг другу короткие экспрессивные слова-обращения. Но я не пропущу удар.

– Мам! Ты же сама понимаешь, какой это бред. Даже говорить больше не хочу.

– Евгения! – поспешно выдыхает мама. – Не вздумай ещё телефон бросать. Отключишься, тогда я сама к тебе приеду.

– А я тебя не впущу! – заявляю, и голос предательски подрагивает, зато мама сразу смягчается.

– Же-ень, – миролюбиво и вкрадчиво тянет она, – ну что ты как маленькая? Же-ень. Ну, извини, если я что-то не то ляпнула. Со мной случается, ты же знаешь. Но... – мама делает паузу, то ли подбирает слова, то ли решает, а стоит ли их говорить, но потом вопрошает доверительно и в то же время чуть назидательно: – думаешь, если замуж выходить, так исключительно по большой любви? – Теперь уже она скептически хмыкает, и я легко улавливаю в её интонациях затаённую грусть. – На меня посмотри. Мы же с твоим отцом еле совершеннолетия дождались, сразу в ЗАГС побежали. Думали, ну раз так любим, жить друг без друга не можем, то это навсегда. А на самом деле пять лет с трудом протянули, да и то только потому, что ты сразу родилась, а ребёнку се-

мья нужна.

Мама замолкает, но я ловлю в телефоне сдержанный вздох сожаления. Не вмешиваюсь в её монолог. Я уже много раз слышала его в разных интерпретациях, с размышлениями и мудро-философскими выкладками. Я понимаю, существуют в жизни такие моменты, которые оставляют неисчезающие шрамы на душе или на сердце. Не знаю, как там правильно. И ты вроде бы к ним давно привык и почти не замечаешь, но всё равно время от времени они напоминают о себе, начинают саднить, когда вдруг всплывает похожая тема. И даже просто так. И тогда обязательно надо проговаривать то, что беспокоит и жжёт.

– Женьк, – опять бодро вступает мама. Хранящиеся в кованном сундуке памяти сомнительные сокровища аккуратно перебраны, и крышка опять захлопнута, а замки заперты. – Договорные браки, они, между прочим, самые крепкие. Потому что по уму, а не по глупости. А то, что уверяют, мол плохо по расчёту, так ведь разве те, кто по любви, тоже не рассчитывают. На «долго и счастливо», на «в горе и в радости». Да и на совместное материальное благополучие тоже. Но я же тебя сразу в ЗАГС бежать не заставляю да подпись ставить. Я бы и сама так не согласилась и тебе бы не предлагала. Опять же, и ты им можешь не подойти. Да и они нам. Сначала хоть глянуть вживую надо, а уж потом и решать. Я тебе всего лишь только встречу и предлагаю. Ну, типа, как раньше было – смотрины. Только вот не ёрничай опять. Нет

тут ничего плохого. – Она внезапно спохватывается, наконец-то обратив внимание на моё долгое молчание, спрашивает настороженно и строго: – Жень, ты хоть слушаешь?

– Слушаю, мам, слушаю.

Она ведь зря угрозами не бросается, и правда может приехать.

– Ну вот и хорошо! – удовлетворённо заключает мама. – Даже можешь не отвечать сразу. Подумай хорошенько. Утро вечера мудренее. Только не затягивай.

Осталось ещё добавить «Куй железо, пока горячо» и пару других подходящих к случаю присказок.

– В общем, как решишь, позвони завтра. Или лучше я тебе позвоню. И имей в виду, на такое дело желающие быстро найдутся. Не прозевай.

От последних фраз меня слегка коробит. Они звучат как-то чересчур меркантильно и даже цинично, словно мы предстоящую покупку обсуждали. Например, на сезонной распродаже.

Внимание-внимание! Скидка на летнюю коллекцию! Количество товара на складе ограничено. Успевай ухватить, а не то другие уведут.

Но, может, и к лучшему? Пусть уводят. Ожидающих счастье несправедливо обделённых судьбой золушек хватает во все времена. Тут у состоятельной семейки выбор огромный и без меня.

Мама уже отключилась, но я до сих пор сжимаю в ру-

ке телефон. Плюхаюсь на кровать, зачем-то обвожу комнату взглядом, будто удостоверяюсь, что поблизости никого.

Может, позвонить Марьяше, обсудить. Точнее, утвердиться во мнении. Даже не сомневаюсь, что она меня подержит насчёт «Зачем мне это надо? Пусть другие берут». Но она родила не так давно и, возможно, именно сейчас занята по самое не хочу или, напротив, отдыхает, улучив минутку.

Наверное, лучше Катюхе. Но в однозначности её мнения я не слишком уверена. А вдруг как раз это и не плохо? Доказывая что-то ей, заодно докажу и себе. Такое всегда работает.

Нахожу нужный номер, тычу пальцем в значок вызова, слушаю уходящие вдаль гудки, прерываемые щелчком, после которого бесстрастный женский голос начинает вещать «В данный момент...» и прочее бла-бла-бла.

Облом. Но я не тороплюсь откладывать телефон, плююсь в погасший экран, вздыхаю украдкой, отвожу взгляд, но он упрямо возвращается к мобильнику.

Ладно. Опять включаю его, захожу в интернет. Хотя старательно себя убеждаю, что делаю это просто так, но на самом-то деле понимаю, что нет, целенаправленно.

9

Женя

Он до сих пор у меня в друзьях. Тут можно наврать – опять же, себе – что не разорвала эту последнюю связь чисто по забывчивости. Но ведь тогда бы я и не знала, где следует искать. Стиснув зубы и мысленно твердя, что это просто из любопытства, последний раз и больше вообще никогда, заглядываю в его профиль.

На аватарке всё та же картинка «ни о чём», на стене тоже мало примечательного. Он и раньше редко выкладывал посты, и сейчас ничего не изменилось, по-прежнему только какая-то чисто пацанья ерунда.

А что я хотела найти? Деструктивные печальные картинки, говорящие о том, как ему плохо без меня? Или, наоборот, свежие фоточки с...

К чёрту! Вот оно мне надо – расковыривать едва зажившую рану? Ещё недостаточно времени прошло – совершенно недостаточно – чтобы я могла рассуждать философски и пересказывать случившееся, как назидательную историю для потомков.

Удаляюсь из друзей, затем выкидываю его из подписчиков. Пусть и тут катится в чёрный список. Ну да, данный жест выглядит почти театрально и слишком красноречиво.

Да мне-то плевать, что он там может подумать. И не только он.

«Сенечка»! Надо ж было маме его так назвать! И зачем она вообще про него упомянула? Всё из-за этой её дурацкой идеи. Теперь, вместо того, чтобы разрабатывать хитроумный план, как избавиться от навязанного мне соседа, я страдаю всякой фигнёй. И отвлечься никак не получается.

Пойти, что ли, прогуляться? Я же как раз в магазин собиралась.

В общем, спасибо, милая мама! Весь вечер мысли заняты только одним. Сбиваюсь на них, даже когда смотрю нарочно включённый фильм: периодически перестаю следить за происходящим на экране, задумавшись о своём. И, предсказуемо, заснуть долго не получается, и во сне из дальних закоулков сознания выползает всякая лабуда.

По-моему, за ночь я просыпалась раз десять и слышала, как Рома вернулся с работы. Или откуда там? И даже немного напряглась.

Конечно, дверь в мою комнату тоже запирается, и я этим не преминула воспользоваться. Зачем зря рисковать? Но вырубилась я, похоже, раньше, чем он перестал бродить по квартире.

Не, я реально до ужаса наивная и доверчивая, и жизнь меня ничему не учит.

Утром я опять, забывшись, выпираюсь из комнаты полуодетая. Хорошо, что взгляд вовремя натывается на стоящие

под вешалкой мужские кроссовки. Поспешно ретируюсь назад к себе.

Блин, Женя! Проснуться мало, надо ещё включить мозги.

Хотя соседа не слышно и не видно ближайшие часа полтора-два, но потом и он появляется. Волосы встрёпаны, щека помята, только один глаз открыт и тот не до конца, а второй, похоже, ещё спит.

Рома натывается на меня, встряхивает головой, хмурит брови и произносит чуть хриловато:

– Доброе утро.

– Полдень уже, – сообщаю я, проходя мимо него в сторону кухни, и слышу вдогонку, обиженно-оправдательное:

– Ну я же только в пять пришёл.

Через несколько минут и он вваливается на кухню, интересуется озадаченно:

– Ты почему здесь?

Всё-таки надеялся, что с утра пораньше я освобожу жилплощадь или растаю, как страшный сон?

– А где мне быть?

– Как где? На учёбе, – поясняет он невозмутимо, а я киваю в ответ:

– Ага. Ничего, что август ещё, а занятия обычно с первого сентября начинаются?

– Ну да, точно, – произносит он, ерошит пятернёй волосы у себя на макушке, будто тоже запоздало пытается включить мозги, а потом по-хозяйски уверенно лезет в шкаф, между

делом спрашивая: – А ты почему такая?

– Какая?

Неприветливая, язвительная, вредная?

– Вроде бы расстроенная.

Он достаёт большую турку, кофемолку, на меня даже не смотрит. И когда только успел разглядеть и понять?

Не знаю, почему меня раздражает этот факт. По-моему, действительно неприятно, когда близкие не замечают, им некогда, или всё равно, или они не придают значения, а кто-то посторонний вот так мимоходом одним не до конца проснувшимся глазом всё сразу видит.

Неужели и тут последствия чрезмерной обнажённости нашей первой встречи?

– Это у тебя профессиональное? Сразу в душу лезть.

Рома разворачивается, смотрит вопросительно, но даже без тени обиды, потом пожимает плечами.

– Может быть. Но не хочешь, не говори. – И, сдвигаясь в сторону плиты, с прежней невозмутимостью уточняет: – На тебя кофе варить?

А я раздражаюсь ещё сильнее.

– А ты почему такой? – повторяю за ним с вызовом, стараясь перекрыть рычание кофемолки. – Заботливый, предупредительный.

Он опять пожимает плечами.

– Ты же сама сказала, что профессиональное. – Оглядывается и невинно приподняв брови, предлагает: – Если тебя

смущает, можешь пока что-нибудь поесть приготовить.

– Кашку сварить? – уточняю ехидно.

– Да хоть бы и кашку, – легко соглашается Рома. – Я не против.

Уверен, что я просто прикалываюсь, и можно на моё сердитое шипение не обращать внимания.

– Не надо мне кофе. Я уже пила, – заявляю и вытаскиваю из сушилки глубокую стеклянную миску.

Овсяные хлопья у меня есть, насыпаю их, заливаю молоком, чуть-чуть соли, немного сахара.

– Изюм добавлять?

Рома удивлённо вскидывается, на секунду забывает про свою турку.

– А ты, что, реально...

– А ты думал, что один на свете такой благородный филантроп?

– Нет, но...

– Так добавлять? – перебиваю безжалостно. – Здесь ещё осталось немножко.

– Ну, если не жалко, добавляй.

– Представляешь, не жалко.

Я высыпаю из пакетика остатки изюма. Вообще-то можно ещё цукаты, порезанную курагу и чернослив, но у меня их сейчас точно нет. Ставлю миску в микроволновку, включаю таймер и жму на «Старт».

Рома с любопытством косится в мою сторону. Или с на-

сторожённостью? Вычисляет не успела ли я ему между делом подсыпать в еду отраву или, на крайний случай, мощное слабительное. Но со мной всегда так: умные мысли приходят слишком поздно. А если честно – да никогда я не скачусь до подобных глупостей!

Невидящим взглядом слежу, как вращается миска, когда сбоку опять прилетает:

– Так что у тебя действительно случилось?

10

Женя

Микроволновка сигнализирует тройным резким писком, что блюдо готово. Вынимаю кашу и ставлю на стол: «Овсянка, сэр!» Но вслух произношу не это, а совсем другое:

– Мама у меня случилась.

– В смысле?

На мгновенье замираю возле стола. Решаю не просто уйти или остаться. Я ведь не только кофе уже выпила, но и позавтракала. Скорее размышляю – а может, и правда рассказать?

Раз подруги слишком заняты, мама – не вариант, а Рома... Он же мне в принципе никто, всё равно что случайный попутчик в поезде дальнего следования. А ведь считается, что именно с такими людьми лучше всего разговаривать по душам, делиться секретами и сомнениями. Их не касается, поэтому они не предвзяты и тоже предельно честны и искренни в своём мнении.

Какой смысл стесняться, если, когда поезд остановится на нужной станции, мы покинем вагон, разойдёмся в разные стороны и не встретимся больше никогда?

Хотя с Ромой мы, конечно, не едем, а живём в одной квартире, и вряд ли время нашего совместного пути ограничится парой дней. Но я ж и не собираюсь слишком с ним откоро-

венничать, а в том, что я говорю, нет ничего особенного.

– Она мне жениха нашла. Богатого.

Рома устраивается за столом перед миской с кашей, делает большой глоток кофе из чашки и интересуется с недоумением:

– Так чего ты не радуешься? Он старый и страшный?

– Не видела ещё, – докладываю я. – Но мама уверяет, что молодой и симпатичный.

Прежде, чем тоже усесться, наливаю себе чай, нахожу пачку печенья в одном из ящичков. Не смотреть же просто, как он ест, пока мы разговариваем.

– Тогда, в чём проблема? – опять философски вопрошает Рома, заедая слова кашей. – Не до такой степени богат, как ты хотела?

Шутит, ага. Но в интонациях ни осуждения, ни неприязни, ни желания зацепить или обидеть. Так, чуть-чуть иронии. И я снисходительно фыркаю.

– Да плевать мне на его богатство. – Но почти сразу исправляюсь: – Ну... то есть... по мне так, наоборот, в этом ничего хорошего. Слишком много претензий и условностей. И всему требуется соответствовать.

Рома заинтересованно слушает или, по крайней мере, удачно создаёт видимость заинтересованности. Правильно – он же бармен. А парней вряд ли на самом деле волнуют подобные темы, но и мне особо без надобности его увлечённое участие. Да и пусть судит поверхностно, и критичность мне

не помешает. Я же и сама всё прекрасно понимаю, просто мне нужно проговорить всё это вслух. И не самой себе. Я же не до такой степени сумасшедшая.

– А если ты ещё и простая, не из их круга, вот какое будет отношение? Они до тебя снизошли, можно сказать, спасли, благодетельствовали. Так теперь сиди и не плачь?

Рома задумчиво сдвигает брови, наклоняет голову к одному плечу и, поводя в воздухе ложкой, в очередной раз спрашивает:

– Почему ты считаешь, что они все такие снобы?

– А нет?

Он мгновение медлит, потом сжимает губы, дёргает плечом.

– Не знаю.

Видимо, опыт общения с богатыми у него не больше моего. А мой, в общем-то, равен нулю. Конечно, есть у меня знакомые из вполне обеспеченных семей, но предполагаю, мама имела в виду что-то более существенное, раз родители настолько ответственно подходят к выбору невесты для сына и вообще вмешиваются в это дело.

Смотрю на Рому. На нищелюба он ни чуточки не походит. Всё-таки сам квартиру снимает, хоть и по дешёвке, и одет вполне прилично, и выглядит ухоженно. Обычно выглядит. По-человечески.

– Ну вот ты бы как поступил на моём месте?

– Да меня... богатые женихи не интересуют, – отзывается

он.

А вот без ехидства совсем никак?

– Да не женихи, конечно. Невесты! Ну ведь бывает такое. По крайней мере в книжках пишут и в кино показывают. Что для получения наследства, ну, или ещё для чего... какой-нибудь богатенькой девице требуется срочно выйти замуж. И вот вся такая в размышлениях вваливается она в бар, выпить и расслабиться, а там – ты. И вполне даже ничего, симпатичный. Ещё и заботливый. Опять же кофе умеешь варить. Наверняка можешь и завтрак утром в постель принести. И она тебе такая: «Рома, женись на мне! И тогда станешь не сотрудником, а владельцем этого бара». Или что у тебя там? Отель? Ресторан? «И ещё кучи таких баров». А ты?

Я впиваюсь в него внимательным взглядом, а он выдаёт совершенно спокойно:

– Спасибо.

– За что?

Или это он так собирается на предложение отвечать?

Рома сдержанно улыбается и поясняет:

– За симпатичного.

А я отмахиваюсь:

– Ой, да ладно. Ты, главное, от темы не уходи. согласишься? Жениться.

Он озадаченно мотает головой.

– Я о таком никогда не думал.

– Ну вот сейчас и подумай. Или опять скажешь, что тебе

пора идти и сбежишь?

Если бы я не опередила его с предсказаниями, он бы, наверное, так и сделал. А сейчас просто прячется в чашку с кофе, потягивает неторопливо. Но я жду, я жутко терпеливая. Сверлю его взглядом, пока он наконец не уточняет:

– А как хоть она выглядит?

– Отлично выглядит. Красавица.

– Ну, не знаю, – с сомнением произносит Рома. – Может, и соглашусь.

М-да. Если честно, я другого ожидала.

– Настолько сильно хочется иметь собственный бар?

– Ну-у, допустим, – подтверждает он невозмутимо, потом добавляет: – Но сначала, конечно, получше познакомлюсь. Может, там всё не так уж и плохо.

По-моему, он не совсем про себя.

– Это ты мне типа совет даёшь? Получше познакомиться.

– А почему бы и нет? Прикольно же.

Ну, в какой-то степени – да. Забавная ситуация. Любопытно, как подобное происходит. Но я б лучше со стороны понаблюдала, а не в качестве действующего лица.

– Или вы сразу в ЗАГСе встречаетесь? Или где там? На свадьбе?

– Ну ты чего? – восклицаю я. – Они же на меня ещё должны посмотреть, оценить. Вдруг не подхожу.

– Тогда – тем более, – рассудительно замечает Рома. – Сходи и тоже оцени. – Он ставит чашку на стол и неожидан-

но произносит: – Каша, кстати, вкусная. Спасибо. Не знал, что можно так в микроволновке готовить.

Ну, понятно. Его моя проникновенно-озабоченная история о женихах и невестах уже утомила. То есть разговор закончен, и я первой поднимаюсь из-за стола.

– Теперь узнал, пользуйся. – Подхватив чашку, направляюсь к мойке, а, поравнявшись с Ромой, почему-то внезапно вспоминаю и озадачиваюсь: – А ты умеешь рисунки на пенке делать?

Он вскидывает голову, заявляет гордо:

– Конечно. – Потом ехидно шурится: – Хочешь тоже научиться, чтобы будущего жениха сразить?

Ну я не знаю, оно само как-то выходит. На автомате реагирую так, будто знаю его сто лет, с детства или со школы, и у нас такие доверительные-дружеские отношения, что вполне допустим шутливый подзатыльник. Нет, даже так – намёк на подзатыльник.

Взмахиваю рукой, а Рома, скорее всего, тоже на автомате, легко уворачивается. Край моей ладони только едва касается его волос. Он не сердится и даже не удивляется, произносит абсолютно серьёзно:

– Понял. С такими вещами не шутят.

Я с трудом удерживаюсь, чтобы не повторить уже осознанно. Останавливаюсь и смотрю на него. Он чуть хмурит брови и настороженно интересуется:

– Чего?

– Да так, – хмыкаю тихонько. – Думаю. Если ты действительно не маньяк и не придурок, то в общем-то даже и неплохо, что так вышло.

11

Рома

Позже он тысячу раз пожалел, что познакомил Лиду с Яром. Хотя нет, не позже. Первый раз – прямо тогда, спустя всего несколько минут с момента встречи, когда они втроём стояли на широком асфальтовом пятачке в нескольких шагах от перехода.

А считается, что парни подобного просто не замечают, не улавливают, не чувствуют. Или это только ему не повезло, а с остальными и правда так? Раньше ведь действительно не случалось, но тут Рома сразу понял, что вдруг перестал существовать. Для неё. Не в том смысле, что бесследно исчез. Просто по сравнению с Яром сейчас значил для Лиды ничуть не больше, чем старая липа на углу сквера или припаркованная к краю тротуара синяя KIA Cerato. И это оказалось не просто обидно.

Рядом с ней всегда кто-то был. Даже тогда, когда он увидел её в первый раз: в первый учебный день на первом курсе.

Пробираясь сквозь собравшуюся перед главным корпусом толпу в поисках своего факультета, Рома случайно зацепил локтем парочку: даже не понял толком, кого точно, парня или девушку, а может, обоих сразу. Обернулся, чтобы извиниться, и напоролся на взгляд.

Глазищи – огромные, серые, сияюще-льדיстые. Да ни случилось ничего такого, как любят говорить: словно вспышка, словно удар молнии. А вот утонул... Возможно, так и есть – утонул или, скорее, увяз в этих глазах. Не осознавая движения, осторожно тронул рукой, даже не ладонь, просто рукав и всё-таки пробормотал, как собирался:

– Извини.

Она чуть приподняла брови, улыбнулась, дёрнула плечом.

– Да ладно. – И зачем-то, зачем-то спросила (поняла, что он почти попал и не захотела упустить?): – Потерял кого?

– Не потерял, – пояснил он, мотнув головой, весьма довольный тем, что не пришлось сразу уходить. – Просто ищущую. – Просто ищущую. Свою группу.

И уже собрался спросить, не знает ли она, куда идти. Пусть и маловероятно, что они будут учиться вместе, но... почему бы и нет? А парень рядом с ней, возможно, просто хороший знакомый или даже брат. Легко поверить в то, что удобно тебе и во что очень хочется верить. Но девушка определила:

– А факультет?

– Управление.

– И я с управления! – воскликнула она немного удивлённо и опять улыбнулась, очень доверительно. – Почему-то так и подумала, что ты тоже с него. – А потом торопливо добавила: – Подожди. Сейчас вместе найдём. – И повернулась к парню. – Я пойду тогда, ладно? Увидимся потом, как всё за-

кончится. Я позвоню.

Тот кивнул, а может, что-то ответил, но Рома точно не услышал. Не замечать того, кто для тебя ничего не значит, тоже очень легко. Он вообще в тот раз совсем не разглядел этого парня, только потом узнал, что он на два курса старше, и факультет другой. Лида рассказала. Она в принципе всё ему рассказывала, как... лучшей подруге.

С девчонками у неё никогда не ладилось. Лида говорила, что с ними ей скучно, они до ужаса однообразные, предсказуемые и ограниченные, даже когда прикидываются умными. С парнями гораздо интересней. И проще. У них меньше заморочек, условностей и предубеждений. Они не будут страдать и выносить мозг окружающим из-за подобной ерунды, что кто-то не лайкнул их пост в сети или не написал, как они потрясающе выглядят на очередном уродском селфи.

Ну или ей хронически не везёт, потому что только такие дуры и попадают, а иначе бы она очень даже порадовалась, если бы нашла наконец-то ту, с которой могла бы подружиться. Но «та самая» всё не находилась, зато подвернулся он.

Он тоже всё время был рядом, но где-то параллельно. Даже в те моменты, когда расстояние между ними сокращалось до минимума, всё равно параллельно. Хотя он долго не осознавал этого. Или, скорее, не хотел осознавать, надеялся упёрто, что вот сейчас-то непременно получится. Ведь так близко, так близко, и надо-то всего чуть-чуть. Но «чуть-чуть» никак не случалось, оставаясь непреодолимой, но ре-

шающей мелочью. С их самой первой встречи.

Пока пытались найти своих, выяснили, что они не только с одного факультета, но к тому же с одной специальности и даже из одной группы. И разве подобное могло оказаться простым совпадением?

Рома в случайности не особо верил. Хотя и в знаки тоже. Просто знал, что по-другому сложиться никак не могло. Именно поэтому, не удержавшись, спросил:

– А кто это был? С тобой.

– Со мной? – уточнила Лида озадаченно, будто на самом деле не понимала, о чём речь, будто никого не существовало, а она стояла одна, когда Рома на неё налетел.

Он мысленно замер, потом пояснил осторожно, боясь разрушить желанную иллюзии неудачным словом:

– Ну да. Или он не с тобой? Там...

– А-а, это... мой парень, – произнесла она, дёрнув плечами, как о совершенно незначимом, и Рома подумал, сейчас ещё добавит что-то вроде «Но я хочу с ним расстаться» или хотя бы «Между нами ничего особенного».

Не добавила. Потому что не собиралась расставаться, тогда, только немного позже. И он, похоже, узнал об этом первым.

Когда все остальные после занятий с радостью и облегчением вываливали из корпуса и разбредались каждый в свою сторону – большинство, конечно, по направлению к остановке – Лида придержала его за локоть.

– Ты торопишься?

– Нет. – Но даже если бы торопился, даже если бы у него имелась куча крайне важных планов, ради неё Рома отложил бы всё. – А что?

Как всегда, надежда затрепыхалась, взбудораженная мгновенно возникшими вопросами, а не только тем, который был произнесён вслух.

Почему Лида ни о чём не сказала раньше, если все четыре пары находилась рядом? Почему откладывала до момента, когда все разойдутся, и они останутся одни? Она же обычно после занятий шла домой со своим парнем. Ну или не домой, а куда там. Почему сегодня не так? Что же такого произошло?

Или... это только сейчас произойдёт?

12

Рома

Они прошли вдоль по дорожке, свернули в сторону, вырываясь из общего потока и почти сразу остановились.

– Ром, понимаешь, – Лида положила ладонь ему на грудь. Вообще-то он ничего не почувствовал сквозь одежду, да и Лида, похоже, сделала это не совсем осознанно, пальцем прочертила совсем короткую линию вдоль по молнии. – Это очень важно. А я не знаю, как сказать. И сделать, – пожаловалась она, вздохнула украдкой. – Ну-у, в общем... давай поговорим.

– Ну-у, давай, – согласился он якобы незаинтересованно, словно делал одолжение, хотя внутри всё бурлило и кипело от волнения и нетерпеливого ожидания.

Она повернулась в сторону стоящей неподалёку скамейки.

– Сядем?

– Хорошо.

Рома хмыкнул недоумённо, стараясь выглядеть абсолютно невозмутимым.

Устроились на скамейке. Лида поставила рядом сумку, чуть подалась вперёд, обхватила ладонями колени, посмотрела прямо перед собой, а потом развернулась к нему.

– Я хочу с ним расстаться, – произнесла с расстановкой,

глянула доверительно. – Ну, ты понимаешь с кем. – Торопливо помотала головой, предвосхищая логичные по её мнению вопросы: – Нет, мы не поссорились, не поругались.

Да Роме на самом деле плевать было, что там между ними произошло. Расстались – вот это главное. А поводы ему абсолютно по барабану. Но Лида всё равно старательно оправдывалась, выдавая чуть виновато:

– Он очень даже хороший. Правда, хороший. Я бы и дальше с ним оставалась, если бы... так не случилось.

Он едва удержался, чтобы не выкрикнуть нетерпеливо «Как случилось?» Зачем она вообще рассказывала ему про «хороший», «осталась»? Не хотела, чтобы он посчитал её слишком легкомысленной и непостоянной. Так он и не считал. Рома давно хотел, чтобы она наконец рассталась с тем своим прежним парнем. Только – для чего?

– Но... – неуверенно проговорила Лида, сделала паузу, закусив губу, громко выдохнула и, заглянув ему в глаза, выдала скороговоркой: – просто я поняла, что мне нравится другой.

Рома даже дышать перестал на несколько мгновений.

Не сказать, что раньше у него проблем с девушками не было. Да как у всех. Хотя, может, и не было. Наверное, потому что выстраивать какие-то особо серьёзные отношения он и не пытался. Ему пока и несерьёзных хватало. Но такого, как с Лидой, точно не случалось, чтобы всё сложилось чуть ли не с первой минуты: увиделись, заговорили и дальше спокойно

потопали вместе. Только вот – совсем не то сложилось. Но ведь сейчас всё могло круто измениться.

Ведь могло? А иначе зачем всё это? Разговор в стороне ото всех, проникновенные взгляды и слова.

Рома уже представлял, как это произойдёт. Сейчас он спросит (по-прежнему якобы невозмутимо и незаинтересованно): «Другой? А кто?» И Лида с обычным для неё выражением на лице, в глазах, в интонациях, означающим что-то вроде «О чём тут говорить? Всё же очевидно!», негромко произнесёт «Ты».

Он незаметно переглотнул, втянул воздух, приготовившись выдохнуть, что собирался, но Лида опередила.

– Но дело ещё в том, что это его однокурсник. Не друг, нет. Они даже в разных группах. Но всё равно.

– А, – коротко выдал Рома, расцепив с силой стиснутые зубы, кивнул, как и требовалось, с пониманием, и, не удержавшись, усмехнулся.

Лида растерялась, удивлённо моргнула.

– Тебе смешно, да? – она поджала губы, вроде бы и обиженно, но одновременно и раскаянно. – Считаешь, это всё глупости?

Он мотнул головой.

Хотя на самом деле ему действительно смешно. Из-за собственных наивных желаний и фантазий. Вот чего, правда, как идиот? Выдумал какие-то сопливо-сентиментальный сценки, разволновался чуть ли не до вспотевших ладоней,

распереживался, как девчонка.

– Ну, может, и глупости, – смиренно согласилась Лида. – Но для меня важно. Меня действительно беспокоит. Ну не люблю я делать людям больно. Но как тут по-другому? Через силу встречаться дальше? Так я тоже не смогу. – Она вздохнула, теперь уже не украдкой, открыто и громко, и опять с надеждой заглянула в глаза. – Ро-ом! Ну-у... вот как мне ему сказать, чтобы не обидеть? Или не сильно обидеть. Какими словами? Ты же парень, ты же должен знать.

Как будто дело в словах, а не в смысле, и что-то изменится от того, бросили тебя тактично и вежливо или грубо послали. Даже о разбитые иллюзии можно пораниться, и неважно, как их раскололи: намеренно или нечаянно. Но он, похоже, хорошо вжился в эту роль, упрямо изображая, будто ему всё равно.

– Почему должен?

– А нет? – Лида сосредоточенно свела брови, потом приподняла одну, лукаво посмотрела из-под съехавшей на лицо пряди, протянула многозначительно: – Так, значит, тебя никогда не бросали? О-о-о! – и широко улыбнулась, по-приятельски ткнула его кулачком в плечо. – Ром, да ты у нас просто супермачо. Ты всегда бросал сам? Первым?

Он хмыкнул, поинтересовался гордо:

– А ты как думала?

Лида опять улыбнулась. Только уже по-другому, не широко, просто приподняв вверх уголки рта, и гораздо больше

– глазами. И в тот момент Роме почему-то показалось, она прекрасно знала, что он чувствовал, чего хотел, и вот это всё, что она произносила сейчас, было нарочно. Как насмешка. Как взгляд сверху-вниз. Высокомерно-снисходительное понимание взрослого, наблюдающего за ребёнком, которые неумело врёт, боясь показаться маленьким и слабым.

Хотя – нет же. Не могла она знать, что он чувствовал, чего ждал. Он же скрывал старательно, делал независимый вид. Это он с досады и разочарования на неё наговаривал. Злился. А Лида опять вздохнула.

– Ну и что мне делать? Как мне ему сказать? – Она помолчала несколько мгновений, потом задумчиво предположила: – А может, ну-у, типа поссориться? Тогда он сам поймёт. Ро-ом! Если так, пойдёт?

Да какая разница?

– Не выдумывай ничего. Скажи прямо. Как есть. Только не начинай вот это «Ты очень хороший...» и всякое-такое. И извиняться не надо.

А ещё лучше, попасться ему на глаза с другим. И там даже не обязательно обниматься или целоваться, можно просто смотреть заворожённо, восторженно, напроочь забыв обо всем вокруг, обо всех. Тогда он сам всё поймёт, без слов. Правда ему-то легче от этого не станет. А извинения точно не понадобятся. Нахрена тут какие-то извинения?

13

Рома

Сейчас многое виделось по-другому, и некоторые моменты воспринимались совсем иначе, обретали иной смысл. Например, Лида никогда не звонила, если он находился слишком далеко, скажем, в другой стране, и не мог примчаться по первому зову. Но Рома не придавал значения её временному молчанию, ведь, стоило ему вернуться, она тут же появлялась, радостно висла на нём и целовала. Правда, в щёку или, точнее, в уголок рта.

Он думал, потому что скучала. Но, скорее всего, на самом деле Лида проверяла, не сорвался ли он с крючка и может ли она рассчитывать на него по-прежнему, что бы с ней ни произошло, начиная от периодически повторявшихся ссор и расставаний с Яром и заканчивая действительно серьёзными ситуациями. После одной такой он и разругался с отцом.

Звонок – как обычно – имя на экране. Он ещё подумал: может, не стоит отвечать? И вроде бы впервые. Наверняка же опять с Яром поцапались, и всё, что Лиде от него надо, это пожаловаться, порыдать на плече, увидеть, как он согласно кивает на её слова, будто она всё сделала правильно и Яр ещё пожалеет. А главное, чтобы он позвонил другу, якобы ради какого-то собственного интереса, и между делом разузнал,

сильно ли тот страдает из-за разрыва и скучает по Лиде.

И всё-таки Рома не удержался, мазнул по значку соединения, мысленно проговаривая себе в оправдание «Ну а вдруг там реально что-то серьёзное». Возможно же! Реально возможно. И то, что он услышал, только подтвердило его предположения.

Дрожащий, срывающийся голос.

– Рома. Что мне делать? Ро-ом!

Ну не мог он, не мог не откликнуться, когда явственно читалось и неподдельное отчаяние, и страх, и растерянность. Не мог не поверить им, хотя и поинтересовался чуть раздражённо и пренебрежительно:

– Лид, что случилось? – Ещё и добавил: – Опять.

– Ром, – повторила она и, похоже, вздохнула судорожно. – Я им фару разбила.

Что-то новенькое. И совершенное неясное, почти бредовое. Он мало, что понял.

– Зачем? Кому им?

– Я не знаю, – голос по-прежнему неуверенно дрожал, переходя в шелестящий шёпот, а Рома, наоборот, произнёс нарочито напористо и громко:

– Била зачем?

– Я не нарочно, – виновато залепетала Лида. – Я думала, меня пропустят. А она не остановилась. И я ехала...

– Куда ехала? – перебил Рома, до сих пор не разобравшись в происшедшем. – На чём?

– На машине. Ярика.

– А почему тогда мне звонишь? Он где?

– Улетел.

В голове замелькали самые идиотские предположения и картинки. Если они ехали с Яром вместе, но сейчас она обращается не к нему. И это потому что...

– Лид! Ты чего несёшь? Как улетел? Куда?

– В Красноярск. По делам.

Рома на мгновение прикрыл глаза, стиснул зубы, и только затем задал новый вопрос:

– Тогда почему ты в его машине? Ты... – Он осёкся. Кажется, и без пояснений догадался. – Так ты за рулём? Яр разрешил тебе взять его машину?

– Нет, – чуть слышно выдохнула Лида, забормотала прерывисто: – Я сама взяла. Пока его нет. Я же не знала, что так получится. Я думала, быстро съезжу, а он даже не узнает ничего. А он... – в телефоне воцарилась тишина, какая-то абсолютная, вне существования, словно закончилось всё и вся, а потом потерянно прозвучало: – Теперь он меня бросит? Да?

Она въехала в кого-то, ещё и на чужой машине, но больше всего обеспокоена в данный момент тем, что Яр разозлится и уже окончательно пошлёт её подальше?

Рома выругался, не сдерживаясь, не выбирая слов.

– Ты понимаешь, что тебе могут за угон впать? Чем ты думаешь? – А дальше по существу: – ДПС уже там?

– Нет. Я попросила пока не вызывать, – робко доложила Лида. Хоть тут-то сообразила. – Ро-ом...

Кажется, он сейчас возненавидит своё имя. Как же много всего хотелось сказать, но телефон опередил, продолжив коротким всхлипом или шмыганьем носа, и Рома больше не стал спрашивать и выговаривать в пустоту. Тем более сейчас Лида реально насобираала проблем на свою...

– Хорошо. Я сейчас подъеду. Ты где?

– Я у перекрёстка.

– Какого?

Она сказала название улиц, а Рома торопливо прикинул, где это и как туда быстрее добраться.

– Ясно. Минут через пятнадцать-двадцать буду. – Продолжил уже на ходу: – Уговаривай, чтоб и дальше не вызывали. И подождали. Любым способом уговаривай. Обещай, что решим между собой. Главное, чтобы полицию не вызвали. Поняла? – И не стал дожидаться ответа, вывел резко: – Всё, отключаюсь. Жди, сейчас подъеду.

Трудно определить, повезло Лиде или нет. В том, что вообще в кого-то въехала – вряд ли. А вот с тем, что водитель оказался вполне адекватный, можно считать, повезло. Точнее, водительша – женщина средних лет. Она не скандалила, не выставляла непомерных претензий, не грозилась непременно вызвать ДПС, а тоже в первую очередь позвонила мужчине, своему мужу, и тот оказался вполне ничего. Правда, на машине она была на своей собственной и пра-

вил не нарушала, и пришлось соглашаться на все их условия, благо те оказались вполне приемлемыми – заплатить за предстоящий ремонт, разбитую фару и слегка помятый бампер, хотя и несколько больше, чем могло потребоваться.

Ярова тачка тоже пострадала, даже повреждения почти те же. В принципе, ерунда, но, как оказалось, именно это больше всего и пугало Лиду.

14

Рома

– Сама доедешь назад? – поинтересовался Рома, задумчиво рассматривая поблёскивающие на асфальте осколки разбитой фары.

Лида ошарашенно уставилась на него, будто он сказал нечто ужасное или абсолютно непостижимое.

– На-зад? – повторила она, запнувшись. – Куда?

– Домой, – пояснил Рома.

– Домой? – опять повторила Лида, мелко затрясла головой, растерянно указала рукой на довольно внушительную вмятину на Яровой тачке и покорёженный бампер. – А как же это?

Он прекрасно понимал, отчего это зрелище её так волновало, действительно понимал, хотя не торопился точно формулировать и облекать в слова (да она и сама недавно прямо сказала, что беспокоит её сильнее всего), и, наверное, это было недостойно и подло, но он всё равно не удержался и пояснил с нарочитым пренебрежением:

– Лид, это совсем не страшно. Поверь. Она по-прежнему ездит.

– Но... но... – пробормотала она, и её глаза стали ещё больше, ещё глубже, влажно заблестели. Задохнёшься, если

посмотришь прямо. – Надо же что-то делать.

Рома сосредоточенно уставился на вмятину, дёрнул плечом.

– Яр прилетит, разберётся. Я без понятия, у кого он обычно ремонтирует.

Что случится дальше, он тоже в принципе мог предсказать, без подробностей и деталей, просто саму суть. Хотя нет, с некоторыми деталями.

Лида несколько мгновений приходила в себя, осознавая его слова и, наверное, до конца не веря, ни в их значение, ни в Ромино равнодушие. Потом придвинулась, вцепилась в куртку, потянулась вверх, посмотрела в лицо, стараясь поймать взгляд.

А ему теперь, что, глаза отводить? Прячется? Отворачиваться?

– Ром. Рома, ну пожалуйста. Давай отремонтируем до того, как он вернётся. Ну ты ведь знаешь где можно, правда? Ну, Ромочка. Пожалуйста.

Лёгкое дыхание на подбородке. Оно почти обжигало. Жаркий доверительный шёпот. Ещё бы получалось не вникать в его смысл.

Рома еле вытянул себя из бездонной вязкой глубины серых глаз.

– Не хочешь, чтоб он узнал? – поинтересовался холодно, усмехнулся, не боясь, что это окажется слишком жёстко.

Ну надо же как-то отплатить за собственное безволие и

слабость. Если, конечно, получилось усмешкой, а не нервным подёргиванием губ. Но вроде бы получилось.

Серые глаза потемнели, зрачки резко расширились, губы на мгновение сжались, а потом чуть приоткрылись и растянулись в стороны. Сейчас Лида выглядела даже больше перепуганной, чем раньше.

Неужели решила, что он может воспользоваться шансом и обо всём рассказать Яру? В надежде, что тогда друг окончательно порвёт со своей непутёвой девушкой, и ей ничего не останется, кроме как припереться к Роме и отдаться со всеми потрохами. Она же не захочет остаться одной.

Неужели она и правда воспринимает его таким? И настолько боится из-за Яра.

Вообще, конечно, он реально может психануть. Даже не просто от того, что Лида взяла его машину (хотя и от этого тоже), а потому что тайком, без разрешения. Рома бы и сам психанул на его месте, разозлился, но точно бы не выставил её вон. А Яр...

Да хрен там разберёшься в их отношениях. Периодически ругаются вдрызг, разбегаются, потом опять мирятся. Или Яр действительно подсел на бесконечные эмоциональные качели и вынос мозга, или ему просто не хотелось заморачиваться и искать кого-то ещё, когда рядом находилась девушка, красивая, страстная, верная, влюблённая в него, скорее, даже одержимая им. А может, дело сразу и в том, и в другом.

Вот ведь чёрт! Рома же всё прекрасно осознавал. Сам до-

шёл, ещё до того, как отец в очередной раз попытался открыть ему глаза, но опять – примчался на зов, договорился, заплатил, отогнал в сервис Ярову тачку, опять договорился и опять заплатил.

Лида, конечно, пообещала, благодарно заглядывая в глаза:

– Ром, я всё отдам.

Он просто кивнул.

Ага, конечно, лет через сто. Были бы у неё деньги, она бы сама сейчас заплатила. Просить у Яра в данном случае она тоже не станет, ей ж не объяснить, на что, а с работой у неё вечно ещё более неопределённо. Находит, устраивается, но через какое-то время опять увольняется. То зарплата, по её мнению, не соответствует нагрузке, то коллектив слишком токсичный, то начальник – тупой озабоченный урод.

Яр терпел, не попрекал, у него средств хватало, хотя Рома бы тоже терпел, если бы находился на его месте. Он и сейчас переживёт, если Лида не вернёт долг. Дело же не в деньгах. Да пропади они пропадом.

Только вот отец считал по-другому, через два дня потребовал отчёт. И даже не дома, в обычном разговоре, а пригласил в офис.

Он всегда строго контролировал финансовые вопросы. Не то, чтобы не доверял. Доверял, во всём остальном, кроме, наверное, одного. Опасался, что однажды сын сорвётся и раз не получилось завоевать желанную девушку по-другому, по-

пробует её купить: дорогими подарками, поездками и прочим подобным. Рома и сам прекрасно понимал, каким бы это оказалось идиотизмом с его стороны, но себя-то не обманешь, даже если будешь усиленно уверять, что ни разу о подобном не думал. Думал ведь, хотя и поступать так не собирался. Но думал же.

Они оба заранее хорошо представляли, о чём пойдёт разговор и как, и всё равно отец не удержался от красноречивой вступительной паузы, театральности и показательного сарказма.

– Это что, новый вид благотворительности – ремонтировать чужую машину за наш счёт?

– Она не чужая, – нехотя вставил Рома.

В принципе, в его репликах данная сцена не нуждалась, отец вполне бы справился и один. У него вообще хорошо получалось, с воодушевлением.

– О-о-о! – наигранно удивлённо протянул он. – Ты в тайне от меня купил себе новую? – Наклонил голову к плечу, добавил с многозначительным пониманием: – Или не себе?

– Ты же наверняка уже всё выяснил. Зачем спрашиваешь?

Отец подался вперёд, упёрся локтями в край стола, обхватил одной ладонью другую, с напором произнёс:

– Спрашиваю, потому что понять не могу, с каких это пор твой приятель не в состоянии сам починить собственную машину. У него что-то случилось? Или, скорее, не что-то. Кто-то.

15

Рома

И зачем Рома всё это слушал? Сидел, молчал, когда можно было встать и уйти. Он, что, мазохист? Или нет. Просто слабак. Отец ведь именно так считал.

– Ром! Ну будь уже мужиком. Сколько ты ещё собираешься позволять этой девице тобой крутить? Неужели ты до сих пор не понимаешь, что тебя тупо используют. Всё. Ни для чего другого ты ей не нужен. Любишь, так надейся, не отступай, добивайся, и когда-нибудь непременно воздастся. Да? Ром, ну какая ж хрень! Ты же прекрасно знаешь, я за настойчивость и упорство, за достижение цели. Но не любыми методами. И не здесь. Видишь ли, одного твоего чувства мало. Ты с человеком дело имеешь, не с вещью. А у него свои: и чувства, и желания, и расчёты. Которые с твоими часто не сходятся. А вместо любви появляются либо ненависть, либо страх, либо презрение. Или вот, как в твоём случае. Только свистни, и Рома прибежит, Рома всё сделает, всё разрулит, слёзки промокнёт, сопли утрёт. Конечно, и такое возможно, что когда-нибудь она будет с тобой. Но ведь только потому, что ей так удобно. Ты ей удобен. Она поди тогда и ребёночка быстренько родит, чтобы тебя окончательно привязать. А может, сразу и двух. Для надёжности. Только вот моменталь-

но сбежит, если кто-то подходящий подвернётся. А детьми станет шантажировать, деньги тянуть. Ты же совестливый.

– Хватит.

– Вот именно, Ром, хватит. Ты же умный парень. Почему тут ведёшь себя, как полный идиот? А скажи, вот что она для тебя сделала? Что? Чтобы заслужить такую безотказность и преданность. Поддержала, когда тебе тяжело было? В чём-то помогла? Спасла когда-то? А? Она, – отец хмыкнул, поморщился, – извини уж за откровенность... тебе даже не дала ни разу. Хотя, может, и дала. Чисто подразнить. Якобы у тебя до сих пор шансы есть. Чтобы ты от неё никуда не девался. Но вряд ли больше, чем раз. Ведь правда? Да и велика ли заслуга – ноги раздвинуть. Но ты для неё всё равно что угодно сделать готов, отдать что угодно. – Он сделал паузу, добавил чуть тише, поведя рукой: – И, кстати, не только своё собственное, но даже моё. А я, знаешь ли, не желаю на эту девицу работать.

– Я всё верну, – произнёс Рома и сразу вспомнил, как примерно то же самое два дня назад говорила Лида, и как он к этому отнёсся, пусть и не высказал вслух. А отец высказал. Хотя слова были другими, но эмоции почти те же.

– А куда ты денешься? Конечно, вернёшь. – Он качнул головой, цокнул языком. – Но вообще, очень удобно, наверное, быть благородным и бескорыстным за чужой счёт. А вот что бы ты без моей помощи делал?

Словно Рома сам не зарабатывал, до сих пор сидел на ро-

дательской шее. Хотя, скорее всего, отец именно так и считал, раз они работали вместе, раз сын пришёл уже на готовое, а не начинал сам, исключительно своими силами, неизвестно где, с нуля. Но гораздо сильнее задело то, что во всём другом отец был прав. Ещё как прав. А потому согласиться с ним оказалось просто невозможным. Это как публично признать себя, ну, в лучшем случае, полным лохом.

Рома резко поднялся с кресла, упёрся ладонями в стол.

– Думаешь, я без тебя ничто? Не проживу? Без всего этого. Без твоих наставлений, нравоучений, советов. А главное, без твоей помощи. Всё же вокруг твоё. Да? А у меня и нет ничего. И сам я ничего не могу. Не способен. А что, если всё-таки смогу?

– О, какое выступление! – с нарочитой уважительностью выдал отец и тут же усмехнулся. – Ром, не смейся. Ну нет у тебя артистического таланта. Честно, не очень хорошо получилось. Не впечатлил. Как говорил Станиславский – не верю!

– Да не верь, – раздражённо выдохнул Рома. – Мне-то как-то.

– Ну и что ты сделаешь? – отец снисходительно улыбнулся, с напором повторил, переставив слова: – Сделаешь-то что?

Рома выпрямился, посмотрел сверху-вниз.

– Формальности ведь мне не обязательно соблюдать, да? Заявление об увольнении писать. Или обязательно? Как

всем.

– Не, – благосклонно отмахнулся отец, – обойдёмся без заявления. Так и быть. – А снисходительная улыбка так и держалась на губах. – А дальше что? Чем этот детский сад закончится? Уйдёшь, громко хлопнув дверью?

Рома выудил из кармана ключ от машины, положил на стол, пришлёпнул ладонью. Хотелось сразу добавить к нему и ключ от дома и действительно уйти, без дополнительных сборов, но и без хлопанья дверями, конечно. Но паспорт там и остальные документы. И вещи. Он же имеет право забрать с собой вещи, которые покупал себе на самим же заработанные деньги?

– Сильно! – воскликнул отец. – А главное, оригинально. – Покивал, наблюдая, как он разворачивается и направляется к двери, но даже не привстал с места. – Мальчик мой, когда назад ждатель? Как только у этой трепетной девы опять что-нибудь случится? Или всё-таки раньше? И что, даже «до свидания» не скажешь?

Не скажет. Потому что на языке вертится совсем другое, а он, наверное, всё-таки слишком воспитанный, чтобы говорить отцу «Пап, да пошёл ты». Тем более, когда идёт сам.

Может, давно следовало так сделать? Именно жить отдельно. Но ведь он не съезжал только ради отца, чтобы не оставлять того совсем одного. Правда даже дома они пересекались не так часто: отец целыми днями торчал на работе или где-нибудь ещё, но в основном тоже по работе. Рома и

сам не сидел в четырёх стенах, но всё равно, пока они жили под одной крышей, сильнее оказывалось ощущение семьи.

Только это ж опять больше для отца. А для него самого – естественно. Стать самостоятельным, вылететь из родного гнезда. И даже добиться всего самому, не полагаясь целиком на то, что уже есть и никуда от него не денется.

С работой Рома даже заморачиваться особо не стал, устроился барменом в люксовом отеле. Ещё же в студенчестве так подрабатывал, набирался опыта. Ну и отчасти, наверное, назло отцу. С нуля так с нуля. С низов. Зато уж точно сам.

С учётом чаевых выходило очень даже неплохо, и на нормальную жизнь, и на съёмную квартиру хватало. Только с последней возникли проблемы: зачем-то она самим хозяевам внезапно понадобилась. Они что-то там объясняли, но Рома не вникал. Да какая разница? Главное, срочно пришлось искать замену.

И нашлась она вроде быстро, хотя вариант так себе, зато дешевле. Две комнаты, но одна заперта, потому что принадлежала кому-то другому. Да и ладно, ему и не нужна вторая. Пусть себе пустует.

Вот только та не пустовала.

Подобного он, конечно, не ожидал. Никак. Что едва войдя в квартиру, в которой и быть никого не должно, наткнётся на девушку. Да к тому же голую. Но, возможно, не совсем голую, полотенце-то у неё точно было. А ещё мокрые

рыжие пряди, упавшие на лицо – его он тогда почти не разглядел – светлая, словно фарфоровая кожа, аккуратные маленькие груди с тёмно-розовыми ровными кружками ареол и веснушки на плечах.

Зрелище не из тех, которые быстро забудешь.

Хотя поначалу девушка показалась ему слегка невменяемой – слишком много дёргалась и орала. И в первую очередь Рома испытал досаду. Хорошо, если бы её не устроило незапланированное соседство, и она бы свалила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.